

*СУХИХ Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 93 научных публикаций**

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ФИЛОСОФИЯ САМОУБИЙСТВА В РОМАНАХ «БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ» М.А. ОСОРГИНА

В статье рассматривается образ главной героини романа М.А. Осоргина «Свидетель истории» Наташи Калымовой в сопоставлении с образом героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Кириллова. Целью работы стало выявление общности и различий взглядов этих персонажей на проблему жизни и смерти, самоубийства. С помощью сравнительно-типологического метода проводится сопоставление философских взглядов героев, авторского отношения к ним. Делается вывод о том, что Наташей Калымовой, как и Кирилловым, руководит прежде всего стремление к свободе от любых обстоятельств, в т. ч. от слабостей, продиктованных самой человеческой природой. Точкой соприкосновения философских взглядов героев становится понимание добровольной смерти как высшего проявления личности. Причиной бесстрашия героини романа «Свидетель истории» оказывается желание самой определять собственную судьбу и управлять жизнью и смертью. Наташа Калымова сознательно идет на поступок, за которым должна последовать смерть, и понимает это как наиболее яркое проявление свободы воли. Точно так же Кириллов у Ф.М. Достоевского считает, что «главная свобода» – это способность человека самому прервать собственную жизнь. В обоих персонажах естественное чувство страха смерти побеждено данной идеей. У обоих героев восприятие добровольной смерти как абсолютной свободы связано с атеистическими взглядами. Кириллов в романе Ф.М. Достоевского в итоге погибает, но героиня М.А. Осоргина остается в живых и получает возможность по-новому увидеть жизнь. Наташа Калымова переосмысливает ее в пантеистическом ключе – и такие размышления героини близки автору романа.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», М.А. Осоргин, роман «Свидетель истории», проблема жизни и смерти, проблема свободы, философия самоубийства.*

Творческое наследие М.А. Осоргина, как и многих представителей литературы русского зарубежья, в конце XX – начале XXI века стало

привлекать внимание отечественных исследователей. Воплощение и художественное переосмысление традиций Ф.М. Достоевского в романах

*Адрес: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37; e-mail: ruslitxx@list.ru

Для цитирования: Сухих О.С. Проблема свободы и философия самоубийства в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Свидетель истории» М.А. Осоргина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 6. С. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

М.А. Осоргина – одна из тем, которые продолжают интересовать литературоведов и по сей день. Отметим, в частности, анализ образа игрока у обоих авторов [1], сопоставление почвеннических идей писателей [2], изучение образа «маленького человека» в их творчестве [3], рассмотрение образов Астафьева и Завалишина в «Сивцевом Вражке» как проекций образов Ивана Карамазова и Смердякова в «Братьях Карамазовых» [4]. Однако художественно-философские параллели романов «Свидетель истории» М.А. Осоргина и «Бесы» Ф.М. Достоевского пока не стали предметом подробного исследования литературоведов.

Роман «Свидетель истории» (как и вторая часть этой романной дилогии – «Книга о концах») посвящен предпринятой революционером начала XX века попытке переделать мир «по новому штату» (как формулировал Иван Карамазов). Героями М.А. Осоргина становятся члены боевой группы, стремящиеся пробудить народ и изменить жизнь страны с помощью террора, направленного против представителей власти. Главная героиня – Наташа Калымова – имеет реальный прототип: это Наталья Сергеевна Климова, эсерка-максималистка, участница покушения на П.А. Столыпина в 1906 году.

В романе М.А. Осоргина представлена деятельность нелегальной организации, борющейся с официальной властью и допускающей любые средства ради достижения цели, – это, безусловно, вызывает ассоциации с «Бесами» Ф.М. Достоевского. В образе Наташи Калымовой достаточно отчетливо просматриваются черты характера Николая Ставгорина, стремящегося вызывающим поступком «взорвать» серое существование; можно увидеть и качества Петруши Верховенского, способного организовать и подготовить убийство. Однако нас в данной работе будет интересовать иной аспект образа Наташи – ее **отношение к жизни и смерти**, дающее основание сопоставлять ее с «идейным» самоубийцей Кирилловым, образ которого,

по мнению И.И. Евлампиева, воплощает в себе «кульминацию размышлений Достоевского над “высшей идеей человеческого бытия”» [5].

М.А. Осоргин начинает роман «Свидетель истории» с главы, в которой главная героиня, будучи еще ребенком, сталкивается с проблемой смерти, когда гибнет ее собачка. Наташа пытается осмыслить это в доступных ей категориях. Такое начало повествования принципиально важно, поскольку в дальнейшем многое в жизни и политической деятельности героини будет определяться тем, что она *не подвержена страху смерти*. Становясь членом боевой группы, участвуя в подготовке террористических актов, Наташа ясно осознает не просто опасность, но и прямую неизбежность гибели. Например, готовясь взорвать Государственный совет, она намеревается взять на себя роль террористки-смертницы, и лишь внешние обстоятельства – роспуск Госсовета – мешают осуществлению данного плана. Принимая участие в подготовке взрыва на даче П.А. Столыпина на Аптекарском острове, она понимает, что за это ей грозит смертная казнь, но это ее не пугает.

В начале романа отчаянная смелость героини объясняется тем, что она *не верит в смерть как полное прекращение жизни*: ей представляется, что жизнь лишь принимает другие формы, что живое существо превращается в былинку, травинку, вырастающую из праха, и таким образом жизнь его продолжается в бесконечном бытии природы: «Если вот сейчас перевернется лодка и до берега не доплыть, – Наташа исчезнет, а мир останется <...> А возможно, что она превратится в рыбу, в водоросль, в морщинку речной ряби, потом подыметесь паром над рекой, впутается в стадо небесных барашков, прольется дождем над садом и огородами, станет соком березы или яблоком – и какая-то ее частица вернется в человеческую жизнь»¹. Потом подобными рассуждениями Наташа успокаивает своих товарищей Сеню и Петруся – террористов-смертников, готовящихся убить

¹Осоргин М. Свидетель истории. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (дата обращения: 05.08.2016).

П.А. Столыпина и при этом погибнуть. Но впоследствии выясняется, что ее слова – лишь надуманная теория, в которую Наташа сама не верит. Свои рассуждения она называет сказкой, рассказанной ею, чтобы исполнителям террористического акта было не так страшно идти на гибель. Героиня тогда «переживала то, что переживает поэт в самый возвышенный час творчества, когда он лжет себе и другим со всей силой страсти и искренности»². Итак, это была утешительная ложь.

Подлинная же основа ее бесстрашия заключается в другом – в стремлении не зависеть от обстоятельств, даже от человеческой природы, **управлять жизнью по собственной воле** и умереть тогда и так, когда и как она сама посчитает нужным. В восприятии Наташи способность человека самому распорядиться собой, а не дотягивать до того, чтобы им распорядились старость, болезни, слабость, – это самое яркое и героическое, что только может быть в мире. Участвуя в деятельности боевой группы, героиня по собственной воле обрекает себя на вероятную гибель, она в определенном смысле надевает на себя петлю (как поступил ее муж: во время казни не позволил палачу набросить петлю на его шею, а сделал это сам). Если это и не самоубийство с формальной точки зрения, то по сути аналогично самоубийству. И причина такого поступка – не в стремлении привести народ к светлому будущему, как было у Сени и Петруся, взорвавших дом Столыпина и заплативших за свой поступок жизнью. Наташин шаг навстречу смерти мотивируется **не общественным долгом, а ощущением высшей свободы**: «...отдать свою жизнь так, как хочется, – разве это жертва? Это и значит – выиграть свою жизнь»³.

Именно это и роднит ее с героем романа «Бесы» Кирилловым, теоретиком самоубийства, который говорит: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен смель убить себя»⁴.

²Осоргин М. Указ. соч.

³Там же.

⁴Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Госизд-во худ. лит., 1957. Т. 7. С. 124.

Как писал Н.А. Бердяев, «образ Кириллова в “Бесах” есть самая кристальная, почти ангельски чистая идея освобождения человека от власти всякого страха и достижения состояния божественного <...> Путь Кириллова – путь героического духа, побеждающего всякий страх, устремленного к горней свободе» [6].

Для Наташи Калымовой свобода от страха смерти – элемент ее личного мировоззрения, это касается лишь ее жизни, судьбы, тогда как Кириллов стремится теоретически обосновать свою идею и практически осуществить ее не из личных, не из частных соображений, а с целью сказать свое слово всему человечеству: его поступок – это message обществу, что уже отмечалось исследователями: «Акт самоубийства необходим не для него самого, он необходим для других людей – этим актом Кириллов намерен продемонстрировать другим свое “пренебрежение” смертью, показать ничтожность страха смерти и самой смерти – ничтожность в отношении подлинного значения и сущности жизни» [5]; «Свое “чистое” самоубийство, имеющее единственную цель – заявить своеволие, он оценивает как мессианско-футурологический жест, способный разбудить латентновзрывную энергию человечества» [7]. В действиях героини М.А. Осоргина тоже реализуется намерение пробудить общество, изменить его жизнь, но это касается *политических реалий*, а не философского вопроса о жизни и смерти. Кириллов же *равнодушен к политике*, его волнует возможность появления человекобога путем преодоления страха. Точкой соприкосновения взглядов героев становятся решение проблемы свободы, **понимание добровольной смерти как максимального своеволия**, высшего проявления личности.

При этом у героини М.А. Осоргина и героя Ф.М. Достоевского такое понимание свободы воли связано с *атеистическим мировосприятием*. Наташа Калымова «Бога отвергла без

особого труда, но поспешила сделать богом “белокурого зверя”. И, раз его найдя, уже не расставалась с Заратустрой»⁵. В философии Ф. Ницше ее особенно привлекает «поэзия его высокого озорства», т. е. вызов, бунт, и это тоже проявление свободы – свободы от традиционных взглядов. Литературный предшественник Наташи – Кириллов – понимает Бога как производное от человеческого страха смерти: «Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог»⁶. Для Кириллова бытие Божие не является объективной реальностью, а проистекает из сознания и эмоций человека – соответственно, человек же и может это изменить. Герой Ф.М. Достоевского бросает **вызов всему традиционному пониманию мироздания**, как и героиня М.А. Осоргина.

Не случайно М.А. Осоргин связывает взгляды Наташи Калымовой с философией Ф. Ницше, писавшего о гибели богов. Называют же Ф.М. Достоевского предшественником Ф. Ницше, в т. ч. это касается и образа Кириллова, его философии человекобога: «...русские ницшеанцы – Ставрогин, Кириллов (а еще раньше Раскольников и сам Достоевский – петрашевец, предвосхитившие Ф. Ницше)» [8]. В обоих произведениях герои стремятся к **преодолению слабых сторон человеческой природы**, к возвышению над ее ограниченными возможностями, как и ницшевский Заратустра, ставший любимым героем Наташи Калымовой. В «Письме перед казнью» она пишет, что испытывает счастье от того, что вопреки ожиданиям палачей может встретить смерть со спокойной и радостной улыбкой. Ее победа в неравной борьбе будет заключаться уже в том, что она не боится умереть, ее яркая жизнь будет иметь яркое завершение.

В реальном «Письме перед казнью» (напомним, М.А. Осоргин использовал лишь выдерж-

ки из указанного письма, которое Н.С. Климова писала, еще не зная, что казнь не состоится) в рассуждениях Н.С. Климовой содержатся несколько иные нюансы. Ее письмо построено на двух мотивах, казалось бы, диссонирующих: *любовь к жизни и отсутствие страха смерти*. Приговоренная сообщает, что испытывает удивительно живое чувство единства с природой, упоения жизнью и в то же время чувство морального удовлетворения от того, что сама, *по своей воле может от всего этого отказаться* и прекратить собственную жизнь: «Знаете ли вы, что значит с нежной внимательностью любоваться всей этой громадой, трепетно и страстно любить каждое движение, каждое биение пульса молодой, только что развернувшейся жизни?.. И знать, что ни одна секунда не властна над тобой, что одним словом, без страха, без сожаления ты можешь прервать ее, на веки покончить с сознанием»⁷.

Такая страстная поэтизация абсолютной свободы, желание возвыситься над всем человеческим, одержать победу над тем, что делает человека слабым, – все это характерно и для Кириллова, только излагает он свои мысли менее поэтично и менее красиво: «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь все боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет <...> Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое...»⁸ Пожалуй, в самом косноязычии героя красноречиво выражена сила его переживаний и убеждений. Она настолько велика, что слова его не успевают за чувствами и мыслями и не складываются в предложения.

⁵Осоргин М. Указ. соч.

⁶Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 124.

⁷Климова Н. Письмо перед казнью // Науч.-просветит. журн. «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_808.html (дата обращения: 05.08.2016).

⁸Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 123–124.

От героев Ф.М. Достоевского, в частности Кириллова, через работы Ф. Ницше «сверхчеловеческое» начало наследуется героями эпохи первой русской революции, такими как Наташа Калымова в романе М.А. Осоргина, ведь влияние нищестанства на многих террористов-эсеров было очень серьезным, как показывает анализ исторического материала [9], а герои Ф.М. Достоевского в определенной мере предвосхитили философию Ф. Ницше, освобождающую человека от всех страхов, в т. ч. и боязни смерти.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории», как и в «Бесах» Ф.М. Достоевского, *мотив страха* все же присутствует.

Кириллов в романе Ф.М. Достоевского в решающий момент явно находится в исключительном нервном напряжении. Он то пытается объяснить свои взгляды Верховенскому, то кричит о ненависти к нему, то отказывается подписать бумагу с признанием в убийстве, то соглашается. Душевное его состояние отражается и в портретных деталях: «Бледность лица <...> неестественная, черные глаза совсем неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве»⁹. За решительностью героя, очевидно, стоит неуверенность, за атеизмом – вера, все-таки существующая в глубине души, – этим объясняются его страдания, колебания и сомнения. И тем не менее рациональные убеждения торжествуют над эмоциями: Кириллов стреляет в себя. Как сказал Петруша Верховенский, этого человека «съела идея».

Н.С. Климова в «Письме перед казнью» убедительно пишет о спокойном восприятии грядущей смерти – не случайно С.Л. Франк назвал свою статью об этом письме «Преодоление трагедии». Но героиня М.А. Осоргина испытывает иные чувства. Писатель акцентирует внимание на том, что перед казнью она в глубине души боится, как и любой другой человек, но скрывает это чувство, старается усилием воли подавить его. Образ Наташи как бы раздваивается, «и в то

время, как подлинная Наташа Калымова, осужденная на казнь, объятая ужасом и жалостью к себе, забила в темный угол камеры и лишилась сознания, – ее двойник, ее прекрасная героиня, ее идеал ровным почерком, строка за строкой исписывает листы»¹⁰, убеждая всех в своем бесстрашии. В художественной реальности она ведет себя как актриса, полностью вошедшая в роль романтической героини, не подверженной человеческим слабостям. Наташа отказывается подписать прошение о помиловании, зато пишет «Письмо перед казнью». Она хочет произвести впечатление, жаждет красивого подвига, яркого поступка, стремится войти в историю как человек, который самой своей смертью сумел одержать победу над противниками.

И в случае с Кирилловым, и в случае с Наташей Калымовой *идея вступает в конфликт с натурой человека и подчиняет ее себе*: естественное чувство оказывается преодоленным силой воли и убеждений. Однако если Кириллов умирает, то Наташа благодаря определенным обстоятельствам остается в живых и даже оказывается на свободе, получая возможность **переосмыслить свою жизнь и идеи**. В финале романа «Свидетель истории» героиня пересматривает собственные взгляды, понимая, что они были надуманными: «Все совсем иное, а той, прежней жизни нет и словно бы не было: когда учились по книжке, питали в себе любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программе и мечтали о том, что не стоило мечтаний»¹¹. Это касается как политической деятельности, так и идеи красивой гибели: во втором романе дилогии – «Книга о концах» – Наташа входит в боевую группу без прежнего воодушевления, а если она в одном из эпизодов рискует собой, то не ради красивого жеста, а ради спасения тонущего Николая Ивановича. В финале романа «Свидетель истории» героиня, переживая счастье от гармонии с природой, ощущает себя частицей большого – живого

⁹Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 649.

¹⁰Осоргин М. Указ. соч.

¹¹Там же.

и одухотворенного – мира, по сравнению с которым любая человеческая идея ничтожна. М.А. Осоргин передает героине собственное пантеистическое мировосприятие.

Ф.М. Достоевский пантеистом не был, но его герои в «Бесах» выражают взгляды, близкие к пантеистическим. Прежде всего это юродивая Марья Тимофеевна Лебядкина. Когда она рассказывает о жизни в монастыре, то упоминает слова мудрой старицы о том, что Мать-Земля и Мать-Богородица суть одно и то же, т. е. фактически речь идет о божественном начале, как бы растворенном в природе. То же мироощущение есть и у самой Марьи Тимофеевны, когда она смотрит на озеро, монастырь, Острую гору и плачет светлыми слезами, утрачивая чувство времени и пространства, отрешаясь от памяти и всего прежнего знания о мире. Для этой героини «бог и природа есть все одно»¹².

Кириллов же, образ которого, по мнению И.И. Евлампиева, в художественном мире Ф.М. Достоевского стал своеобразным перевоплощением князя Мышкина [5], рассказывает Шатову о своем ощущении «вечной гармонии, совершенно достигнутой», когда за пять секунд открываются истина и смысл бытия всего мира: «Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания

говорил: “Да, это правда, это хорошо”. Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость»¹³. В романе М.А. Осоргина Наташино ощущение nirваны, к которому она приходит в финале, родственно такому глубокому чувству гармонии, что выше времени и пространства, человеческой природы, любви, – это ощущение достигнутой цели бытия всего мироздания.

Итак, в романе М.А. Осоргина «Свидетель истории» мы видим художественное переосмысление «Бесов» Ф.М. Достоевского, в частности образа Кириллова, который воплощает в себе «мятеж человеческой мысли и чувства достоинства против унижительной зависимости от внешних сил» [10]. Экзистенциальная проблема, глубоко осмысленная Ф.М. Достоевским, была воспринята писателем XX века через призму этого яркого образа, ставшего символом попытки преодолеть человеческую природу. При этом оба автора раскрывают бесперспективность идеи достижения свободы через самоубийство: герои на этом пути заходят в тупик. Изображение судеб Кириллова и Наташи Калымовой доказывает ложный характер исповедуемых ими убеждений, что говорит о сходстве авторских позиций в отношении данной проблемы.

Список литературы

1. Мужайлова Е.А. Два «игрока» русской литературы: Ф.М. Достоевского и М.А. Осоргина. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (дата обращения: 15.07.2016).
2. Мужайлова Е.А. Достоевский и Осоргин: типология почвенничества. Уфа: Вагант, 2008. 193 с.
3. Лобанова Г.И. «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг. Уфа: Вагант, 2008. 207 с.
4. Фрадкина С.Я. На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» Михаила Осоргина и традиции русской классики) // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества: материалы науч. конф. «Осорг. чтения», г. Пермь, 23–24 ноября 1993 года. Пермь: Перм. ун-т. 1994. С. 13–21.
5. Евлампиев И.И. Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/evlampiev-ii/kirillov-i-hristos-samoubiycy-dostoevskogo-i-problema-bessmertiya> (дата обращения: 01.08.2016).

¹²Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 154.

¹³Там же. С. 614.

6. Бердяев Н.А. Откровения о человеке в творчестве Достоевского. С. 8. URL: <http://litlife.club/br/?b=114526&p=8> (дата обращения: 01.08.2016).
7. Ермилова Г.Г. Событие падения в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». URL: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/4.htm (дата обращения: 01.08.2016).
8. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия // Вестн. СПбГУКИ. 2013. № 4(17). С. 130–136.
9. Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 128 с.
10. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство URL: http://royallib.com/book/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html (дата обращения: 06.08.2016).

References

1. Muzhaylova E.A. *Dva "igroka" russkoy literatury: F.M. Dostoevskogo i M.A. Osorgina* [Two Gamblers in Russian Literature: Fyodor Dostoevsky's and Mikhail Osorgin's]. Available at: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (accessed 15 July 2016).
2. Muzhaylova E.A. *Dostoevskiy i Osorgin: tipologiya pochvennichestva* [Dostoevsky and Osorgin: The Typology of the *Pochvennichestvo* Movement]. Ufa, 2008. 193 p.
3. Lobanova G.I. *"Malen'kiy chelovek" v vikhre istorii: opyt analiza romanov M. Osorgina 1920–1930 gg.* [The Little Man in the Whirlwind of History: Analysing Mikhail Osorgin's Novels of the 1920s – 1930s]. Ufa, 2008. 207 p.
4. Fradkina S.Ya. Na perekrestke traditsiy ("Sivtsev Vrazhek" Mikhaila Osorgina i traditsii russkoy klassiki) [At the Crossroads of Traditions (*Sivtsev Vrazhek* by Mikhail Osorgin and the Traditions of Russian Classical Literature)]. *Mikhail Osorgin. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Osorgin: Chapters of His Life and Work]. Perm, 1994, pp. 13–21.
5. Evlampiev I.I. *Kirillov i Khristos. Samoubiytsy Dostoevskogo i problema bessmertiya* [Kirillov and Christ. Suicides in Dostoevsky's Works and the Issue of Eternal Life]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/evlampiev-ii/kirillov-i-hristos-samoubiytsy-dostoevskogo-i-problema-bessmertiya> (accessed 1 August 2016).
6. Berdyaev N.A. *Otkroveniye o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [Revelations About Man in Dostoevsky's Works]. P. 8. Available at: <http://litlife.club/br/?b=114526&p=8> (accessed 1 August 2016).
7. Ermilova G.G. *Sobytiye padeniya v romane F.M. Dostoevskogo "Besy"* [The Fall in *Demons* by Fyodor Dostoevsky]. Available at: http://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/4.htm (accessed 1 August 2016).
8. Belov S.V. Roman F.M. Dostoevskogo "Besy": nekotorye aspekty vospriyatiya [*Demons* by Fyodor M. Dostoevsky: Some Aspects of Perception]. *Vestnik SPbGUKI*, 2013, no. 4, pp. 130–136.
9. Petukhov V.B. *Serebryanyy vek russkoy kul'tury i terrorizm* [The Silver Age of Russian Culture and Terrorism]. Ulyanovsk, 2006. 128 p.
10. Chkhartishvili G. Pisatel' i samoubiystvo [Writer and Suicide]. Available at: http://royallib.com/book/chhartishvili_grigoriy/pisatel_i_samoubiystvo.html (accessed 6 August 2016).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

Ol'ga S. Sukhikh

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
ul. Bol'shaya Pokrovskaya 37, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation;
e-mail: ruslitxx@list.ru

THE ISSUE OF FREEDOM AND THE PHILOSOPHY OF SUICIDE IN *DEMONS* BY FYODOR DOSTOEVSKY AND *WITNESS TO HISTORY* BY MIKHAIL OSORGIN

This article compares the image of the heroine Natasha Kalymova in Mikhail Osorgin's novel *Witness to History* with the image of the hero Kirillov in Fyodor Dostoevsky's *Demons*. The aim was to identify

For citation: Sukhikh O.S. The Issue of Freedom and the Philosophy of Suicide in *Demons* by Fyodor Dostoevsky and *Witness to History* by Mikhail Osorgin. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 6, pp. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.80

the similarities and the differences between the views of these characters on life, death and suicide. Using the comparative typological method, the paper collates the characters' philosophical views and the author's attitude toward them. A conclusion is made that Natasha Kalymova, like Kirillov, is guided primarily by her desire to free herself from any circumstances, including weaknesses rooted in the human nature. These characters' philosophical views are similar in their understanding of voluntary death as the highest manifestation of personality. Natasha Kalymova's fearlessness is explained by her aspiration to be master of her own destiny, life and death. She is mindful of her actions that should inevitably result in death and sees it as the utmost manifestation of free will. Similarly, Kirillov in Dostoevsky's novel believes that the "principal freedom" is the ability of a person to terminate his/her own life. In both characters, the natural fear of death is overcome by this idea. Both of them consider voluntary death as absolute freedom partly due to their atheistic views. Kirillov dies, while Natasha Kalymova survives and gets the opportunity to see life in a different, pantheistic way, her new reflections being largely shared by Osorgin.

Keywords: *Fyodor Dostoevsky, Demons, Mikhail Osorgin, Witness to History, issue of life and death, issue of freedom, philosophy of suicide.*

Поступила: 09.03.2018

Принята: 10.09.2018

Received: 9 March 2018

Accepted: 10 September 2018